

УДК 323

ПАРАДИГМА КОНФЛИКТА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНАЛИЗА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Р.М. Нуруллин

Аннотация

В настоящее время этнополитический сепаратизм представляет собой наименее изученный феномен в современной политической науке. Сложность трактовки этого явления вызвана не только многофакторностью самого сепаратизма, но и отсутствием установленных теоретико-методологических подходов к изучению сепаратистских тенденций политической жизни. При этом сами формы минимизации насилия в ходе реализации идеологии этнополитического сепаратизма исследуются в рамках такого междисциплинарного направления, как «парадигма конфликта». В статье представлены ключевые аспекты применения конфликтологической методологии для исследования этнополитического сепаратизма.

Ключевые слова: парадигма конфликта, этнополитический сепаратизм, исследования мира и конфликтов, диалектическая теория конфликтов, конфликтный функционализм, современная теория разрешения этнополитических конфликтов.

Импульс к получению политической независимости через провозглашение сепаратистской идеологии – яркий признак современных международных отношений. Волна сепаратистских устремлений этнических групп то и дело проявляется, а порой даже увеличивается в масштабах практически на всех континентах. Однако до сих пор этнополитический сепаратизм остаётся одним из наименее изученных и наименее понятых политических феноменов.

В самом общем смысле этнополитический сепаратизм (от лат. *separatus* – отделенный) представляет собой стремление этнической группы к обособлению, отделению и достижению определенной областью государства автономии или политической самостоятельности.

Формы минимизации насилия в ходе реализации идеологии этнополитического сепаратизма исследуются в рамках такого междисциплинарного направления, как “Peace and Conflict Studies” – «исследования мира и конфликтов» [1, р. 71–97]. Отмеченное направление получило свое развитие с 60-х годов XX в. и представляет собой совокупность академических школ по анализу ненасильственного и насильственного поведения групп в социальных системах [2, р. 74]. Следует отметить, что указанное направление использует в качестве своей основы методологию анализа урегулирования этнополитических конфликтов, выработанную в лоне так называемой классической «парадигмы конфликта». Под этим термином обычно понимают концепции ведущих представителей социальной

мысли, которые признавали первичное значение конфликтов для политической жизни общества.

Почему же методология анализа этнополитических конфликтов так часто используется для исследования этнополитического сепаратизма? Ответить на поставленный вопрос можно в том случае, если рассмотреть этнополитический сепаратизм как процесс, участие в котором принимают как минимум две противоборствующие стороны. Известно, что для наличия конфликта необходимо существование следующих ключевых факторов: двух или более субъектов, интересы которых реально или предположительно сталкиваются, и дефицитного ресурса (своеобразного «яблока раздора») [3, с. 8–9]. В случае с этнополитическим сепаратизмом участие двух потенциально антагонистических групп, как правило, явно присутствует: одна стремится отделиться, другая противится такому отделению. Что же касается дефицитного ресурса, то он здесь также налицо – обретение большей политической самостоятельности путем получения определенного политического суверенитета. В такой ситуации действия одной стороны, столкнувшись с противодействием другой, препятствуют реализации её целей и интересов, в результате чего и возникает конфликтная напряженность. Таким образом, если модели этнополитического сепаратизма принимают форму действий участников этнополитического конфликта (см. [4, р. 165]), то парадигма конфликта может послужить необходимой методологической базой для исследования сепаратистских тенденций в рамках политической системы.

Необходимо отметить, что парадигма конфликта выработала определенные стратегии управления этнополитическими процессами с высоким конфликтным потенциалом. Отмеченные стратегии строятся на концепциях представителей «классических» исследований конфликта. Как представляется, из всего многообразия научных концепций следует выделить две узловые методологические парадигмы исследования конфликтов: «диалектическая теория конфликтов» (К. Маркс, Р. Дарендорф) и «конфликтный функционализм» (Г. Зиммель, Л. Козер).

Современный диалектический подход к анализу конфликтов во многом опирается на концепцию немецкого философа К. Маркса (1818–1883), который, вслед за Гегелем и Гераклитом, был продолжателем традиции понимания конфликта как радикального средства преобразования всего общества. Идеи Маркса о групповой поляризации социальных систем, борьбе и разрешении классового конфликта революционным путём повлияли на развитие учения англо-немецкого социолога Р. Дарендорфа (р. 1929). Он противопоставил марксизму теорию социального конфликта, в которой главным признаком классов являются отношения господства и подчинения [5, с. 145–147], а не собственности. По мнению Дарендорфа, конфликт – это любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные или субъективные противоположности [6, с. 141–142]. Отметим, что учёный дал достаточно широкую трактовку конфликта, считая, что конфликт может принимать форму гражданской войны, парламентских дебатов, этнополитического сепаратизма или переговоров.

Дарендорф также усмотрел особую роль элиты в конфликте, полагая, что группы могут инициировать изменения в обществе, только если их интересы

будут воплощены в действиях элиты [7, р. 54]. В связи с этим целесообразно заметить, что, раскрывая динамику развития этнополитического сепаратизма, следует выделять также этапы формирования и действия политических элит, которые могут либо провоцировать конфликтные ситуации и побуждать группы к конфликтным действиям, либо идти наперекор мнению большинства. Так, накануне распада Чехословакии проведенные социологические опросы свидетельствовали о том, что большинство чехов и словаков не поддерживало так называемый «бархатный развод» и было не готово к национальному самоопределению. Тем не менее политические элиты Чехии и Словакии вопреки мнению большинства договорились о роспуске федеративного государства, что в конечном счете привело к сецессии.

По мнению Р. Дарендорфа, любыми конфликтами в социальных системах можно управлять. В связи с отмеченным утверждением исследователем анализируются три основные стратегии управления конфликтом: подавление, отмена и регулирование. Учёный, считая подавление неэффективным способом обращения с конфликтами [5, с. 145], отмечает, что тоталитарным правительствам грозит опасность свержения именно потому, что они часто прибегают к подавлению как средству решения конфликтов и не обеспечивают возможность функционирования различных «клапанов» в обществе (в виде дискуссий, митингов и других способов выражения требований различных групп). Так, попытки подавить кашмирский сепаратизм вооруженным путем практически ни разу не приводили к стабильности. В настоящее время Кашмир по-прежнему остается областью, поделенной между Индией, Пакистаном и Китаем. Еще пример: вряд ли можно однозначно интерпретировать действия Верховного суда Испании, который в сентябре 2008 г. постановил запретить Коммунистическую партию баскских земель и Партию Баскского националистического действия, обвинив их в связях с сепаратистской группировкой ЭТА. В данном случае, как представляется, испанское руководство просто прикрыло те системные клапаны, через которые сепаратисты Страны басков могли законно выражать свои требования испанским властям.

Под отменой конфликта Дарендорф понимает любую попытку в корне ликвидировать противоречия. Такая попытка всегда обманчива: конкретные предметы конфликтов можно «устранить», но подобное регулирование предмета не ликвидирует сам кроющийся за ним конфликт. Довольно часто существующую опасность возникновения сепаратизма просто игнорируют. Однако умалчивание проблемы и отсутствие определенной реакции на неё не избавляет государство от наличия проблем и их последующей радикализации. Наиболее ярким примером здесь может послужить ситуация с этнополитическим сепаратизмом в Тайланде. Имеющий давнюю историю этнорелигиозный конфликт между буддистами-тайцами и малайским мусульманским меньшинством часто приобретает здесь формы экстремизма. Как представляется, сложность ситуации была усугублена тем, что тайские власти до 2002 года даже не признавали того, что на их территории действует ячейка сепаратистски настроенных международных террористов.

Что же касается процедуры регулирования, то она, по мнению Дарендорфа, является решающим средством уменьшения насильственности практически

всех видов конфликтов. Исходя из логики рассматриваемой концепции возникшие противоречия в случае этнополитического сепаратизма можно разрешить с помощью механизмов переговоров, посредничества, арбитража, обязательного арбитража [5, с. 146–147]. Например, большинство из названных процедур было использовано при урегулировании проблемы сепаратизма на самой конфликтной территории Индонезии – в провинции Ачех на Северной Суматре.

Точка зрения Р. Дарендорфа о бесконфликтном обществе как утопичном идеале существования схожа с аналогичной концепцией немецкого мыслителя Г. Зиммеля (1858–1918), на которой основывается американский социолог Л. Козер (1913–2003), автор теории «позитивно-функционального» конфликта. Козер обосновал позитивную роль конфликта в обеспечении целостности и устойчивости всей социальной системы, видел в конфликтах положительное значение [8, с. 169]. Конфликт, по мнению Козера, это «...борьба за ценности и права на обладание статусом, мощью и ресурсами, в которой цели соперников состоят в нейтрализации одним другого, нанесении ущерба ему или устранении друг друга...» [8, с. 12]. Козер пишет, что некоторые социальные процессы по сути своей являются конечными, то есть они определяются своим преходящим характером, а способы их завершения институционально предписаны. Но есть такие процессы, в которых определить чёткую точку завершения очень сложно. К таким процессам можно отнести, например, конфликты, возникшие в случае реализации идеологии этнополитического сепаратизма.

На наш взгляд, важно заметить, что из-за своей многофакторности и комплексности этнополитический сепаратизм может приобретать двоякую форму, то есть менять свой характер и переходить от институционализированных форм протеста к внесистемным. В частности, это можно проследить на примере сикхского сепаратизма в индийском штате Пенджаб. Известно, что в период с 1944 по 1966 гг. правительство Пенджаба требовало больше политического суверенитета, но при этом не подкрепляло свои требования какими-либо активными действиями, дестабилизирующими статус-кво. Центральное же правительство в то время просто проигнорировало существование политического сепаратизма и не отреагировало на угрозу, которая содержалась в институционализированном, но латентном сепаратистском процессе. В результате подобного бездействия центр вскоре столкнулся с неинституционализированным проявлением сепаратизма, который выразился в экстремизме со стороны сикхских сепаратистов.

Козер отмечает, что для тушения конфликта наиболее эффективна стратегия, направленная на создание «правил игры», которая позволяет определить взаимное соотношение сил. Договоренности подобного рода способствуют самоликвидации конфликта. Соглашаясь с немецким социологом Г. Зиммелем, Л. Козер отмечает, что тот конфликт, который обычно протекает в рамках связующих его стороны норм, уже содержит в самом себе элементы стратегии собственного ограничения и регулирования [8, с. 150]. Например, попытки провести неофициальные переговоры между властями и сепаратистами в случае баскского сепаратизма в Испании могут быть вызваны желанием властей установить определенные договоренности для последующей ликвидации возможных конфликтов.

Представители современной теории разрешения конфликтов (Дж. Бертон, К. Митчелл, Р. Фишер, У. Юри) также дают концептуальное объяснение стратегиям по управлению этнополитическими процессами с высоким конфликтным потенциалом. Так, в отличие от традиционного подхода, когда анализ конфликтных отношений начинается с изучения социальных институтов, американский исследователь Дж. Бертон предлагает иную концепцию, в основе которой лежит тезис о том, что этнополитический сепаратизм есть следствие ущемления совокупности универсальных человеческих потребностей [9, р. 11–12]. Так, например, к универсальным потребностям этнической группы можно отнести: 1) потребность в самобытности или национально-этнической идентичности; 2) потребность в ощущении безопасности; 3) потребность в независимости принятия решений; 4) потребность в участии и признании; 5) потребность в самореализации и развитии собственного социокультурного потенциала.

Можно также отметить, что в зависимости от того, какое понятие берётся за основу, в современной науке выделяют различные сферы исследования процесса завершения этнополитических конфликтов [10, с. 95]: 1) предупреждение конфликтов (*conflict prevention*) – научное направление, которое ориентировано на разработку стратегий, связанных с тем, чтобы не дать этнополитическим конфликтам перейти в острую вооружённую стадию развития; 2) управление конфликтами (*conflict management*) – это исследовательский подход, который акцентирует внимание на конструировании стратегий, связанных со снижением уровня враждебности во взаимоотношениях сторон конфликта; 3) разрешение конфликтов (*conflict resolution*) – концепция, которая направлена на создание стратегий устранения вызвавших конфликт причин и формирование нового уровня взаимоотношений участников.

Несмотря на то что парадигма конфликта часто используется для анализа этнополитического сепаратизма, она не может претендовать на статус единственного методологического подхода к исследованию этого явления. Как у любого теоретического инструментария, у конфликтологической методологии есть свои издержки, которые необходимо выявить.

Как представляется, во-первых, сепаратистский процесс необязательно может выражаться исключительно в форме открытого этнополитического конфликта. Напротив, при взаимодействии стороны могут сотрудничать друг с другом для сглаживания трений и минимизации возможных потерь. Кроме того, парадигма конфликта не позволяет исследователю в полной мере определить тенденции развития латентных процессов. Например, вопреки относительной внешней стабильности Бельгии взаимоотношения между общинами не всегда кажутся столь дружественными при более обстоятельном взгляде на внутривнутриполитическую ситуацию в этой стране: кроме того, что Фландрия является экономически более развитым регионом, нежели Валлония, здесь существуют националистические организации сепаратистского толка. Подобное состояние дел может привести к эскалации напряженности в Бельгии. Так, в 2007 г. один из бельгийских телеканалов обнародовал шуточную информацию, в которой говорилось, что парламент Фландрии принял решение об отделении от Валлонии, которая получает денежные трансферты из Фландрии. Из-за подобной

«утки» в Бельгии разразился страшный переполох по поводу реального воплощения сепаратистской идеологии в акте сецессии.

Во-вторых, сама конфликтная методология может чрезмерно схематизировать и упрощать ситуацию. Например, если появляется какая-либо политическая группа с сепаратистской идеологией и провозглашает лозунг на сецессию, то это еще не свидетельствует в пользу того, что группа с высокой степенью вероятности дестабилизирует политическую систему. Дискурс-анализ в сочетании с основными положениями теории групп в этом отношении может дать более точное определение намерений субъекта противоречия и указать на то, что, возможно, созданная группа вовсе не желает отделения, а стремится обратить внимание государственных структур на существующие проблемы.

В-третьих, исследователь, увлекшись конфликтологической парадигмой и пытаясь выявить основные тренды протекающего процесса, может прийти к неточным выводам из-за пренебрежения ролью политических институтов, которые зачастую могут не только создавать подходящую среду для возникновения сепаратистских тенденций, но и существенным образом влиять на динамику этнополитического сепаратизма.

В-четвертых, парадигма конфликта, фокусируясь в основном на действиях субъектов противоречия, нередко упускает из внимания факт влияния конфликтных процессов на такой ключевой элемент социальной системы, как экономические отношения. Так, известно, что непрекращающиеся разговоры о политическом сепаратизме Квебека пагубно отражаются на инвестиционной привлекательности региона, из которого постепенно уходят крупные компании.

В-пятых, парадигма конфликта не обращает существенного внимания на роль исторической случайности в моделировании возможных сценариев развития ситуации. Так, например, во многих источниках довольно часто обсуждается тезис о том, что проблема Косово могла быть давно уже решена, если бы в период существования СФРЮ косовская территория имела статус не автономного края в составе Сербии, а равноправной с ней союзной республики. Возможно, в этом случае Косово получило бы независимость без этнических чисток и ценой меньших потерь.

В заключение хочется отметить, что парадигма конфликта успешно применяется в качестве базовой методологической основы для анализа разнообразных случаев этнополитического сепаратизма. Тем не менее, если опираться исключительно на указанную методологию, повышается риск односторонней, излишне схематизированной и упрощенной интерпретации анализируемых процессов. Для минимизации издержек парадигмы конфликта следует использовать ее в совокупности с другими подходами. Наиболее оптимальным в этом отношении представляется применение теории групп и дискурс-анализа к исследованию этнополитического сепаратизма.

Summary

R.M. Nurullin. Conflict Paradigm as a Methodological Basis for Analyzing Ethno-political Separatism.

The article is aimed at presenting the key aspects of conflict paradigm as a methodological basis for analyzing ethno-political separatism. This latter currently represents the least scientifically scrutinized phenomenon in modern political science. The difficulty of interpreting this observable fact depends not only on the complicated nature of separatism itself, but also on the absence of approved methodological approaches to the study of separatist tendencies in political life. At the same time, the forms of violence minimization in the course of separatist ideology implementation are studied in the framework of the so-called "conflict paradigm", a stated multidisciplinary approach.

Key words: conflict paradigm, ethno-political separatism, peace and conflict studies, dialectic conflict theory, structural functionalism and conflict theory, modern theory of ethno-political conflict resolution.

Литература

1. *Groom A.J.* Paradigms in Conflict: The Strategist, the Conflict Researcher and Peace Researcher // Conflict: Readings in Management and Resolution / Eds. J. Burton, F. Dukes. – L.: Macmillan, 1990. – 250 p.
2. *Dugan M.* Peace Studies at the Graduate Level // The Annals of the American Academy of Political Science. – 1989. – No 504. – P. 72–79.
3. *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 280 с.
4. *Horowitz D.* Patterns of Ethnic Separatism // Comparative Studies in Society and History. – 1981. – No 23. – P. 165–195.
5. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социол. исслед. – 1994. – № 5. – С. 145–147.
6. *Степаненкова В.М.* Понятие социального конфликта в теории Р. Дарендорфа // Социол. исслед. – 1994. – № 5. – С. 141–149.
7. *Dahrendorf R.* The Modern Social Conflict: An Essay on the Politics of Liberty. – L.: Weidenfeld & Nicolson, 1988. – 219 p.
8. *Козер Л.* Функции социального конфликта / Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.
9. *Burton J.* Conflict: Human Needs Theory. – N. Y.: St. Martin's, 1990. – 358 p.
10. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 272 с.

Поступила в редакцию
24.09.08

Нуруллин Ринат Маратович – аспирант кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: messagetorinat@mail.ru